

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.25>

UDC 343.1
LBC 67.410.2

Submitted: 18.05.2021
Accepted: 14.06.2021

THE FORMS OF CRIMINAL PROSECUTION

Ilya S. Dikarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sailaubek S. Baymanov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the possibility of differentiating the forms of criminal prosecution. The critical analysis is subject to the widespread position in the science of criminal procedure that the forms of criminal prosecution are suspicion and accusation. This point of view is based on the conclusion that the content of criminal prosecution varies depending on the degree of proof of the guilt of the person subject to criminal prosecution. Concerning compliance with the principle of adversarial parties, the theoretical position is also evaluated, according to which one of the forms of criminal prosecution is conviction. The question of the grounds for differentiating the forms of criminal prosecution is studied. **Purpose:** the confirming the unified nature of the criminal prosecution carried out during the pretrial proceedings, regardless of the procedural position of the person accused of committing the crime. **Methods:** the paper uses the general scientific methods of analysis and synthesis, a systematic approach, as well as specific scientific methods: legal interpretation and logical-legal. The methodological framework was the dialectical method. **Results:** the study of the common position in the science of criminal procedure, according to which criminal prosecution at different stages of its implementation consistently takes the forms of suspicion and accusation, showed its inconsistency. From the standpoint of philosophy, the content always has a determining value, and the form is always determined. Accordingly, to establish a change in the form of criminal prosecution, it is necessary to make sure that the content of this activity changes. However, the degree of proof of the person's involvement in the crime is not reflected in the content of the accusatory activity, it remains the same. Therefore, suspicion and accusation do not form the independent forms of criminal prosecution. At the same time, the differentiation of the forms of criminal prosecution is possible, but on different grounds. **Conclusions:** the differentiation of the forms of criminal prosecution should be made depending on, first, the organization of procedural activities that determine the role and powers of the subject of criminal prosecution in the process of proof; secondly, the procedural status of the participant in the criminal process on the part of the prosecution and, thirdly, the content of the fact in issue.

Key words: criminal prosecution, suspicion, accusation, conviction, fact in issue.

Citation. Dikarev I.S., Baymanov S.S. The Forms of Criminal Prosecution. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 167-175. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.25>

ФОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Илья Степанович Дикарев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сайлаубек Султанович Байманов

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается вопрос о возможности дифференциации форм уголовного преследования. Критическому анализу подвержена распространенная в науке уголовного процесса позиция о том, что формами уголовного преследования являются подозрение и обвинение. В основу данной точки зрения положен вывод о том, что содержание уголовного преследования варьируется в зависимости от степени доказанности виновности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности. С позиции соответствия принципу состязательности сторон также дана оценка теоретической позиции, согласно которой одной из форм уголовного преследования является осуждение. Изучен вопрос об основаниях дифференциации форм уголовного преследования. **Цель:** обосновать единый характер уголовного преследования, осуществляемого в ходе досудебного производства, независимо от того, какое процессуальное положение занимает лицо, изобличаемое в совершении преступления. **Методы:** в работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, а также частнонаучные методы: юридической интерпретации и логико-юридический. Методологической базой послужил диалектический метод. **Вывод:** исследование распространенной в науке уголовного процесса позиции, согласно которой уголовное преследование на разных этапах его осуществления последовательно приобретает формы подозрения и обвинения, показало ее несостоятельность. С позиции философии содержание всегда имеет определяющее значение, а форма – определяемое. Соответственно, для констатации изменения формы уголовного преследования необходимо убедиться в изменении содержания этой деятельности. Однако степень доказанности причастности лица к совершенному преступлению на содержании обвинительной деятельности не отражается, оно остается единым. Следовательно, подозрение и обвинение самостоятельных форм уголовного преследования не образуют. Вместе с тем дифференциация форм уголовного преследования возможна, но по иным основаниям. Она должна производиться в зависимости от организации процессуальной деятельности, определяющей роль и полномочия субъекта уголовного преследования в процессе доказывания, процессуального статуса участника уголовного процесса со стороны обвинения и содержания предмета доказывания.

Ключевые слова: уголовное преследование, подозрение, обвинение, осуждение, предмет доказывания.

Цитирование. Дикарев И. С., Байманов С. С. Формы уголовного преследования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 167–175. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.25>

Введение

В механизме реализации ключевой обязанности государства, закрепленной в ст. 2 Конституции РФ, уголовное преследование служит тем средством, которое используется для защиты прав и свобод человека и гражданина, пострадавших в результате совершения общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом. Именно значимость уголовного преследования обусловлен непреходящий интерес специалистов в области теории уголовного судопроизводства и практических работников к изучению этой уголовно-процессуальной функции. Круг про-

блем уголовного преследования, затрагиваемых в юридических исследованиях, широк настолько, что всякие попытки перечисления как изучаемых вопросов, так и исследователей, к ним обращавшихся, заведомо обречены на провал – настолько этот перечень велик. Вместе с тем даже в таких условиях сохраняются проблемные вопросы, решение которых в юридической литературе пока еще не стало общим местом и вызывает дискуссии. К числу таковых следует отнести вопрос о формах уголовного преследования.

Рассуждать о формах уголовного преследования можно только с опорой на философское учение о форме, в связи с чем в ка-

честве методологической основы такого исследования целесообразно использовать диалектический метод. Здесь необходимо обратить внимание на ключевое значение, которое в рассматриваемом вопросе имеет взаимосвязь формы с содержанием. Будучи противоположными сторонами вещи, содержание и форма находятся между собой в неразрывной связи и взаимозависимости. В контексте проводимого исследования особенно важно обратить внимание на то, что в своем единстве форма и содержание имеют далеко не одинаковое значение: содержание имеет определяющее значение, а форма – определяемое [2, с. 269–272]. Это положение, как представляется, и должно служить отправным пунктом изучения данного вопроса – различение форм уголовного преследования возможно только при условии выявления сущностного различия в содержании этой деятельности.

Выделение подозрения и обвинения в качестве форм уголовного преследования в теории уголовного судопроизводства

Наибольшее распространение в настоящее время приобрела точка зрения, согласно которой формами уголовного преследования являются подозрение и обвинение [5, с. 62].

Основы формирования данной концепции были заложены еще в советской науке уголовного процесса. Так, М.С. Строгович, обращая внимание на обвинительный по своей сути характер деятельности по осуществлению уголовного преследования, отмечал, что обвинять в совершении преступления можно только определенное лицо, обладающее в уголовном процессе статусом обвиняемого. Из этого следовал вывод о том, что «уголовное преследование – это обвинение как процессуальная функция, то есть обвинительная деятельность» [14, с. 194]. Но при этом оставался вопрос о том, что представляет собой деятельность органов предварительного расследования до появления в уголовном деле обвиняемого (а равно и подозреваемого). Следуя намеченной логике, исследователи пришли к выводу о том, что и до этого момента процессуальная деятельность изобличающего характера является элементом уголовного преследования. При этом,

с учетом целевой направленности этой деятельности, она была определена как подозрение [12, с. 195]. Некоторые авторы даже стали использовать для обозначения такой формы уголовного преследования термин «подозрительная деятельность» [1, с. 41; 7, с. 47].

Таким образом, данный подход предлагает рассматривать уголовное преследование как деятельность, осуществляемую сначала в форме подозрения, а затем, при появлении оснований для обвинения лица в совершении преступления, как приобретающую новую форму – обвинение [8, с. 195].

Как видно, в основу разграничения форм уголовного преследования положено различие тезиса, проверяемого и доказываемого, в ходе осуществления процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Наиболее емко это положение сформулировал О.Д. Жук, по мнению которого «...формы уголовного преследования различаются в зависимости... от степени выраженности, степени конкретности обвинения, по поводу которого уголовное преследование осуществляется» [5, с. 105].

Делая некоторое отступление, заметим, что ряд авторов называют подозрение *видом* уголовного преследования [13, с. 94]. Данная позиция представляется противоречащей терминологии действующего уголовно-процессуального закона, который прямо называет видами уголовного преследования частное, частно-публичное и публичное обвинение (ст. 20 УПК РФ). В равной мере сложно согласиться с подходом, рассматривающим подозрение как *функцию* (очевидно, уголовно-процессуальную), «содержание которой составляет деятельность должностных лиц органа дознания по выдвижению предположения о причастности лица к совершенному расследуемому преступлению. Подозрение динамично входит в уголовное преследование» [15, с. 23]. Основные уголовно-процессуальные функции четко обозначены законодателем в формуле принципа состязательности сторон, где упоминается только одна процессуальная функция, противостоящая защите, – функция обвинения. Соответственно, в рамках данной статьи будут обсуждаться вопросы обоснованности и целесообразности выделения подозрения только в качестве одной из форм уголовного преследования.

Возвращаясь к основной теме исследования, отметим, что практика расследования преступлений связана с осуществлением познавательной деятельности не только в условиях, когда в уголовном деле участвуют подозреваемый или обвиняемый, но и когда лицо, предположительно причастное к совершенному преступлению, вообще не установлено. Казалось бы, данное обстоятельство должно наводить на мысль о существовании еще какой-то формы уголовного преследования, не связанной ни с подозрением, ни с обвинением. Однако А.В. Калинин предлагает решать этот вопрос посредством деления подозрения на виды: «неперсонифицированное» (в отношении неопределенного круга лиц), персонифицированное по кругу лиц и индивидуально персонифицированное [9, с. 10]. Следовательно, до момента появления в деле подозреваемого, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела, уголовное преследование, по мнению упомянутого автора, реализуется в форме неперсонифицированного или персонифицированного по кругу лиц подозрения. Такой подход представляется спорным, поскольку подозрение как тезис, проверяемый органами предварительного расследования, может быть только персонифицированным. Как верно писал Н.А. Козловский, подозрение всегда требует строго определенного субъекта [10, с. 58]. Дознаватель, действуя в условиях дефицита доказательственной информации, исходит из презумпции о том, что если имеются признаки преступления, то существует и лицо, его совершившее. Именно в отношении этого, пусть еще и неизвестного, лица уголовное преследование на этом этапе досудебного производства и осуществляется. Но данная презумпция вовсе не равнозначна подозрению в отношении неопределенного круга лиц. В данном случае уголовное преследование осуществляется в условиях, когда ни подозрение, ни обвинение в качестве тезиса не оформились, а значит, их попросту не существует.

**Критика взгляда
на подозрение и обвинение
как формы уголовного преследования**

В контексте рассматриваемой проблемы принципиально важным является то, что

независимо от наличия в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого содержание уголовного преследования как деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования, не изменяется. Для установления личности лица, предположительно совершившего преступление, дознаватель и следователь используют ровно те же самые процессуальные средства (следственные и иные процессуальные действия), которыми они оперируют для изобличения в совершении преступления лица, уже вовлеченного в уголовный процесс в качестве подозреваемого или обвиняемого. Другими словами, процессуальная деятельность, осуществляемая органами предварительного расследования в отсутствие подозреваемого в уголовном деле, по своему содержанию ничем не отличается от деятельности по уголовному делу после того как лицо, предположительно причастное к совершенному преступлению, будет установлено. Конечно, участие в уголовном деле подозреваемого или обвиняемого требует целенаправленной работы по его изобличению, проверке выдвигаемых им версий и т. п., но все это лишь несколько меняет вектор осуществляемой органами предварительного расследования доказательственной деятельности, но ее наполнение остается прежним. В конце концов всегда остается вероятность ошибки относительно причастности лица к совершенному преступлению, в связи с чем при всей изобличительной направленности процессуальных действий органы предварительного расследования обязаны проверять возможность причастности к совершенному преступлению иных, еще не вовлеченных в орбиту судопроизводства граждан.

И уж совсем нет никаких оснований говорить о том, что содержание деятельности органов предварительного расследования варьируется в зависимости от того, какова степень доказанности причастности лица к совершенному преступлению.

Во-первых, подозрение и обвинение не могут иметь для формы уголовного преследования определяющего значения уже потому, что сами по себе эти тезисы являются «продуктом», результатом этой самой деятельности. Рассматриваемый же нами подход как бы ставит «телегу впереди лошади».

В реальности орган расследования под воздействием совокупности имеющихся в его распоряжении сведений определяет, какую форму – подозрения или обвинения – необходимо придать тезису о причастности лица к совершенному преступлению, о чем выносит соответствующее процессуальное решение [3, с. 20].

Во-вторых, как при подозрении, так и при обвинении органы предварительного расследования устанавливают общий предмет доказывания, сформулированный в ст. 73 УПК РФ, располагая одним и тем же арсеналом познавательных процессуальных средств. Перечень возможных следственных действий, порядок их производства являются общими, независимо от того, в каком процессуальном статусе находится лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Не стоит и говорить о том, что на практике не исключены ситуации, когда в ходе предварительного расследования одного и того же преступления, совершенного в соучастии, одно лицо может быть задержано в качестве подозреваемого, другое – уже привлечено в качестве обвиняемого, а третье – еще даже не установлено. С позиции сторонников выделения форм уголовного преследования пришлось бы признать, что процессуальная деятельность органов уголовного преследования в таких условиях должна осуществляться одновременно в трех разных формах. Однако такое допущение представляется ошибочным в силу неделимости осуществляемой органом расследования процессуальной деятельности.

Соответственно, если содержание деятельности органов предварительного расследования всегда остается неизменным, то, отталкиваясь от обозначенных выше философских представлений о соотношении содержания и формы, ни о каких формах уголовного преследования, будь то подозрение или обвинение, говорить не приходится. Имея неизменное содержание, уголовное преследование всегда реализуется в одной и той же форме.

Возражения против выделения осуждения в качестве одной из форм уголовного преследования

О.Д. Жук, являющийся сторонником выделения подозрения и обвинения в качестве

форм уголовного преследования, в одной из своих более поздних работ предложил рассматривать в качестве еще одной формы уголовного преследования (которая, по словам автора, «не только реально существует, но и является основной») осуждение. При этом под осуждением понимается «вывод государства о преступности и уголовной наказуемости конкретного деяния» [6, с. 105].

Такая позиция вызывает категорические возражения. Вывод о преступности и наказуемости деяния может сделать только суд – его исключительное полномочие как органа правосудия закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ. Но суд ни при каких обстоятельствах не может выступать в качестве субъекта уголовного преследования (это прямо следует из содержания принципа состязательности сторон), а раз так, значит, осуществляемая им деятельность и принимаемые решения не являются ни элементами, ни тем более формами уголовного преследования.

Очевидно, что осуждение является итогом реализации судом совсем иной уголовно-процессуальной функции, коренным образом отличающейся от той, которую выполняет в уголовном судопроизводстве сторона обвинения. И называется эта процессуальная функция – разрешение уголовного дела (осуществление правосудия).

Дифференциация форм уголовного преследования и ее основания

Вместе с тем, возражая против выделения таких форм уголовного преследования, как подозрение, обвинение или осуждение, мы вовсе не отрицаем саму возможность дифференциации форм уголовного преследования. Содержание данной процессуальной функции на разных стадиях уголовного процесса, а также в случае ее реализации различными субъектами может существенно варьироваться, что закономерно меняет и форму такой деятельности.

Прежде всего, содержание уголовного преследования определяется полномочиями, которыми наделяется субъект для осуществления обвинительной деятельности (установление обстоятельств совершенного преступления

и доказывания виновности конкретного лица). Как было сказано выше, органы расследования при реализации возложенной на них процессуальной функции используют один и тот же арсенал процессуальных средств независимо от того, в какой форме осуществляется предварительное расследование и какой статус имеет лицо, привлекаемое к уголовной ответственности. Однако в судебных стадиях уголовного процесса публичное уголовное преследование, хотя и является прямым продолжением обвинительной деятельности органов расследования, приобретает совершенно иную специфику, обусловленную прежде всего тем, что в судебном производстве изменяется сама организация процессуальной деятельности: уголовное преследование здесь осуществляет субъект, который уже не ведет производство по уголовному делу (как орган дознания, дознаватель или следователь), а занимает в процессе положение состязющейся стороны. Основным субъектом доказывания в ходе судебного разбирательства становится суд, так что полномочия прокурора (государственного обвинителя), реализуя которые он вправе отстаивать обвинение, ограничены возможностью лишь представлять доказательства, участвовать в их исследовании и излагать свое мнение по различным возникающим в ходе рассмотрения уголовного дела вопросам (ст. 246 УПК РФ). Таким образом, публичное уголовное преследование в судебном производстве наполнено принципиально иным содержанием, нежели в досудебном производстве, что придает этой деятельности совершенно иную форму. Неслучайно обвинительная деятельность прокурора в судебном разбирательстве имеет и особое наименование – «государственное обвинение».

Но не только переход уголовного процесса от одной стадии к другой изменяет форму уголовного преследования. Даже в рамках одной и той же стадии уголовного процесса уголовное преследование может иметь различные формы, если оно осуществляется субъектами, имеющими разный процессуальный статус.

Уголовно-процессуальный закон определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения, к которой относит помимо

прокурора, следователя, дознавателя и других публичных субъектов уголовного преследования, также потерпевшего, его законного представителя и некоторых других участников уголовного процесса, отстаивающих в уголовном деле личный интерес. Конечно, осуществляемое потерпевшим уголовное преследование (за редким исключением уголовных дел частного обвинения) носит вторичный, производный от обвинительной деятельности органов публичного уголовного преследования, характер. Это означает, что реализовать свои права потерпевший может только при условии возбуждения органами предварительного расследования уголовного дела и признания соответствующего лица потерпевшим. Но если эти условия соблюдены, потерпевший получает возможность своими активными действиями осуществлять функцию уголовного преследования. Тождественно ли содержание этой деятельности публичному уголовному преследованию? Конечно нет. Процессуальные средства, с помощью которых потерпевший отстаивает в деле свою позицию, принципиально иные в сравнении с теми, которыми пользуются органы публичного уголовного преследования. Соответственно, и содержание процессуальной деятельности потерпевшего оказывается специфичным настолько, что меняет саму форму уголовного преследования. В этой связи уместно говорить о том, что в ходе предварительного расследования форма уголовного преследования варьируется в зависимости от того, кем оно осуществляется, – органом расследования или иным привлекаемым к участию в уголовном деле субъектом из числа указанных в п. 47 ст. 5 УПК РФ.

Неизбежно отражается на содержании процессуальной деятельности и специфика предмета доказывания. В частности, ею обладает перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 434 УПК РФ). В юридической литературе обращается внимание на особенности процессуальной деятельности стороны обвинения по таким уголовным делам. В частности, Е.В. Мищенко, мотивируя свою позицию замысловато сформулированным сообщением о том, что «обвинение в процессу-

альном смысле выражается лишь с обвинением в уголовно-правовом значении», констатирует, что по таким уголовным делам государственное обвинение не поддерживается [11, с. 130]. Однако, поскольку по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера лицо уличается в совершении общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, пользуется правом на защиту, а мера, вопрос о применении которой решается судом, является по своей природе уголовно-правовой, деятельность стороны обвинения – не что иное, как уголовное преследование [4, с. 24]. Вместе с тем специфичность содержания такой деятельности очевидна, что несомненно придает актуальность вопросу о том, образует ли уголовное преследование по рассматриваемой категории уголовных дел самостоятельную форму.

Выводы

Подводя итог, отметим, что существование различных форм уголовного преследования в современном уголовном процессе неоспоримо. Вариативность таких форм может быть обусловлена различиями в организации процессуальной деятельности на сменяющих друг друга стадиях уголовного процесса, отражающимися на содержании осуществляемой субъектами публичного уголовного преследования обвинительной деятельности; различиями в процессуальном статусе лиц, осуществляющих функцию уголовного преследования на одном и том же этапе уголовного судопроизводства, а также иными обстоятельствами, включая вариативность предмета доказывания по разным категориям уголовных дел.

В то же время выделение подозрения и обвинения в качестве форм уголовного преследования представляется необоснованным, поскольку степень определенности сделанного органами предварительного расследования предположения о причастности лица к совершенному преступлению (равно как и различия в процессуальном статусе такого лица) на содержании уголовного преследования не отражается, а значит, не способна изменить и форму, в которой данная деятельность осуществляется. Дискуссионный характер носит и выс-

казываемая в юридической литературе точка зрения, согласно которой еще одной формой уголовного преследования является осуждение лица за совершение преступления. Соответствующее решение является итогом реализации процессуальной функции осуществления правосудия, в связи с чем не может рассматриваться ни в качестве элемента, ни тем более как форма уголовного преследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давлетов, А. Подозрение и подозреваемый в современном уголовном процессе России / А. Давлетов, И. Ретюнских // Уголовное право. – 2008. – № 5. – С. 40–46.
2. Диалектический материализм : учеб. пособие / под ред. А. П. Шептулина. – М. : Высш. шк., 1974. – 328 с.
3. Дикарев, И. С. Подозрение в уголовном процессе / И. С. Дикарев // Законность. – 2013. – № 8. – С. 20–22.
4. Дикарев, И. С. Уголовное преследование: уточнение понятия / И. С. Дикарев // Российская юстиция. – 2013. – № 9. – С. 23–25.
5. Жук, О. Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций) / О. Д. Жук. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 272 с.
6. Жук, О. Д. Формы и виды уголовного преследования / О. Д. Жук // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 11. – С. 104–109.
7. Иванов, Д. В. Институт подозрения в уголовном судопроизводстве России / Д. В. Иванов // Глаголь правосудия. – 2011. – № 1 (2). – С. 47–48.
8. Калинин, А. В. Подозрение и обвинение как формы осуществления уголовного преследования / А. В. Калинин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 6 (95). – С. 193–198.
9. Калинин, А. В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Калинин Алексей Владимирович. – Саратов, 2016. – 238 с.
10. Козловский, Н. А. Подозрение в советском уголовном процессе / Н. А. Козловский // Актуальные проблемы советского уголовного процесса : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. М. Кобяков. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1987. – С. 55–60.
11. Мищенко, Е. В. Принудительные меры медицинского характера в уголовном судопроизводстве / Е. В. Мищенко. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 144 с.

12. Пономаренко, С. И. Подозрение в совершении преступления как форма уголовного преследования / С. И. Пономаренко // Конституция Российской Федерации и проблемы уголовного права, криминологии и уголовного процесса : сб. науч. тр. / отв. ред. А. С. Сенцов [и др.]. – Волгоград, 2005. – С. 191–196.

13. Сопнева, Е. В. Подозрение – вид уголовного преследования / Е. В. Сопнева // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 93–94.

14. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – 470 с.

15. Татьяна, Л. Г. Место подозрения в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) / Л. Г. Татьяна, К. Г. Бычкова // Вестник ОГУ. – 2008. – № 83. – С. 21–23.

REFERENCES

1. Davletov A., Retyunskih I. Podozrenie i podozrevaemyj v sovremennom ugovolnom processe Rossii [Suspicion and Suspect in the Modern Criminal Process of Russia]. *Ugovolnoe pravo* [Criminal Law], 2008, no. 5, pp. 40-46.

2. Sheptulina A.P. *Dialekticheskij materialism: ucheb. posobie* [Dialectical Materialism]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974. 328 p.

3. Dikarev I.S. Podozrenie v ugovolnom processe [Suspicion in the Criminal Process]. *Zakonost'* [Legality], 2013, no. 8, pp. 20-22.

4. Dikarev I.S. Ugolovnoe presледovanie: utochnenie ponyatiya [Criminal Prosecution: Clarification of the Concept]. *Rossijskaya yusticiya* [Russian Justice], 2013, no. 9, pp. 23-25.

5. Zhuk O.D. *Ugovolnoe presледovanie po ugovolnym delam ob organizacii prestupnyh soobshchestv (prestupnyh organizacij)* [Criminal Prosecution in Criminal Cases on the Organization of Criminal Communities (Criminal Organizations)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. 272 p.

6. Zhuk O.D. Formy i vidy ugovolnogo presледovaniya [Forms and Types of Criminal Prosecution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 11, pp. 104-109.

7. Ivanov D.V. Institut podozreniya v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii [Institute of Suspicion in

Criminal Proceedings of Russia]. *Glagol pravosudiya* [The Verb of Justice], 2011, no. 1 (2), pp. 47-48.

8. Kalinkin A.V. Podozrenie i obvinenie kak formy osushchestvleniya ugovolnogo presледovaniya [Suspicion and Accusation As Forms of Criminal Prosecution]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2013, no. 6 (95), pp. 193-198.

9. Kalinkin A.V. *Procedura vydvizheniya podozreniya kak garantiya prav lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk* [The Procedure for Raising Suspicion As a Guarantee of Individual Rights in Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2016. 238 p.

10. Kozlovskij N.A. Podozrenie v sovetskom ugovolnom processe [Suspicion in the Soviet Criminal Process]. *Aktual'nye problemy sovetskogo ugovolnogo processa: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Actual problems of the Soviet criminal process: Collection of Scientific Papers]. Sverdlovsk, Sverdlovskij yuridicheskij institut, 1987, pp. 55-60.

11. Mishchenko E.V. *Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v ugovolnom sudoproizvodstve* [Compulsory Measures of a Medical Nature in Criminal Proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 144 p.

12. Ponomarenko S.I. Podozrenie v sovershenii prestupleniya kak forma ugovolnogo presледovaniya [Suspicion of Committing a Crime As a Form of Criminal Prosecution]. *Konstituciya Rossijskoj Federacii i problemy ugovolnogo prava, kriminologii i ugovolnogo processa: sb. nauch. tr.* [The Constitution of the Russian Federation and Problems of Criminal Law, Criminology and Criminal Process]. Volgograd, 2005, pp. 191-196.

13. Sопнева E.V. Podozrenie – вид ugovolnogo presледovaniya [Suspicion-a Type of Criminal Prosecution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1, pp. 93-94.

14. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo processa. V 2 t. T. 1. Osnovnye polozeniya nauki sovetskogo ugovolnogo processa* [Course of the Soviet Criminal Process. In 2 vols. Vol. 1. Basic Provisions of the Science of the Soviet Criminal Process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 470 p.

15. Tat'yanina L.G., Bychkova K.G. Mesto podozreniya v ugovolnom sudoproizvodstve (diskussionnye voprosy) [The Place of Suspicion in Criminal Proceedings (Debatable Issues)]. *Vestnik OGU* [Bulletin of OGU], 2008, no. 83, pp. 21-23.

Information About the Authors

Ilya S. Dikarev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Director of the Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, iliadikarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

Sailaubek S. Baymanov, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Bolshaya Sadovaya St, 14, 125047 Moscow, Russian Federation, Baymanov-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8740-7772>

Информация об авторах

Илья Степанович Дикарев, доктор юридических наук, доцент, директор института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, iliadikarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

Сайлаубек Султанович Байманов, кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, ул. Большая Садовая, 14, 125047 г. Москва, Российская Федерация, Baymanov-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8740-7772>